
Ю. И. СМЕРНОВ

**АРХАНГЕЛЬСКАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. В. ЛОМОНОСОВА В 1962 г.**

С 5 июля по 5 августа 1962 г. кафедра фольклора филологического факультета МГУ проводила свою седьмую экспедицию на Русском Севере¹.

Группа В. Иевлевой (6 человек) работала на каргопольском маршруте: Лядины — Печниково — Поздышевская — Ошевенский погост с выходом на р. Онегу. Группа, возглавляемая Ю. Смирновым (9 человек), обследовала населенные пункты, расположенные на всем протяжении р. Кены, и также вышла на р. Онегу в районе деревень Валоно, Ручьевская, Плесо. Группа Е. Ремезовой (7 человек) работала по новому маршруту: по р. Онеге от д. Федово (Усть-Моша) до бывшего районного центра Конево включительно. По окончании работы на своих маршрутах многие участники экспедиции выехали на Кенозеро, где записали на магнитофон эпические произведения в деревнях Першлахта, Поромское и Зехново², и сделали ряд новых интересных записей в Першлахте и в близлежащих лесопунктах Октябрьский и Самково.

Экспедиция проводила сплошное обследование, стремясь выявить современное состояние эпической традиции. Наряду с тщательными поисками эпических произведений и воспоминаний об их бытовании записывались и произведения других жанров; при этом участники каргопольской группы занимались преимущественно загадками и сказками, участники кенской группы — обрядовой поэзией, сопутствующими явлениями и малыми жанрами, а участники онежской группы — песнями. В итоге собрано свыше 3600 произведений, в том числе былин — 49, ранних исторических песен — 6, баллад — 124, духовных стихов — 105, поздних исторических песен — 80, скоморошин — 51, прочих песен — 930, частушек — 1017, сказок — 286, заговоров — 209, загадок — 288, пословиц и поговорок — 295, десятки песенных репертуаров, описаний обрядов и обычаев, произведений детского фольклора, три раешника и отрывок из народной драмы «Царь Максимилиан». Следует подчеркнуть, что в подсчет не включены повторные записи эпических произведений, а между тем подавляющее большинство эпических произведений всех жанров собрано там, где работала предшествующая экспедиция.

Записано полностью 9 былин (Кена, Ошевенский куст и дер. Спирово на Онеге вблизи бывшего райцентра Конево), 5 былин в отрывках (Лядины, Кена, Ошевенский куст), 35 былин в пересказах (Лядины, Поздышевский и Ошевенский кусты, Кена, деревни на Онеге

¹ Отчеты о предыдущих экспедициях см.: «Вестник МГУ», 1957, № 1; 1958, № 1; 1959, № 3; 1960, № 1; 1963, № 2.

² В предыдущие годы этого не удавалось сделать.

против устья Кены и близ Конева). Кроме того, записано несколько воспоминаний о бытовании былин. Собирателями отмечены следующие 20 сюжетов былин: «Добрыня и Алеша» (8 раз); прозаическая контаминация сюжетов «Исцеление Ильи» и «Илья и Соловей-разбойник» (5); «Три поездки Ильи» (3); «Чурила и Катерина» (3); «Ставер Годинович» (3); «Исцеление Ильи» (2); «Илья и Соловей-разбойник» (2); «Илья и Сокольник» (2); контаминация сюжетов «Илья и голи», «Илья и Калин-царь» (2); «Дюк Степанович» (2); «Царь Соломан» (2); «Илья и станичники» (1); «Илья и Идолище» (1); прозаическая контаминация сюжетов «Исцеление Ильи», «Илья и Соловей-разбойник», «Илья и Святогор», «Илья и Идолище» (1); «Вольга и Микула» (1); «Добрыня и Настасья Микулична» (1); «Молодость Василия Буслаевича» (1); «Иван Гостиный сын» (1); «Дунай Иванович» (1); «Алеша Попович и братья Сбродовичи» (1). Последние два сюжета впервые фиксируются собирателями МГУ за все семь прошедших экспедиций.

Полный текст былины «Дунай Иванович» был записан от 89-летней неграмотной У. А. Красковой из кенской дер. Враниковская. К сожалению, болезненное состояние сказительницы не позволило ей пропеть былинку до конца, большую часть ее она сказывала. Помимо «Дуная», в репертуар У. А. Красковой входят былина «Добрыня и Алеша», историческая песня «Иван Грозный и сын», четыре баллады и два духовных стиха.

Подробный пересказ былины «Алеша Попович и братья Сбродовичи» записан в дер. Ручьевская, расположенной на Онеге против устья Кены. В былинный репертуар этой деревни, кроме названного, входят сюжеты: «Исцеление Ильи», «Илья и Соловей-разбойник», «Илья и Святогор», «Илья и голи кабацкие», «Илья и Калин-царь», «Илья и Идолище», «Вольга и Микула», «Добрыня и Алеша», «Добрыня и Настасья Микулична», «Царь Соломан». Сличение текстов показывает, что большинство ручьевских вариантов тождественно вариантам, записанным нашими предшественниками и нами в северной и восточной части Кенозера и на р. Кене. Общность эпической традиции этих мест подтверждается и тем, что родоначальник известных кенозерских певцов П. С. Сивцев-Поромский, умерший в 40-х гг. XIX в., перенял былины от стариков «в Плесском погосте, что у впадения Кены в Онегу-реку»³. Из ручьевских текстов несомненно книжными заимствованиями, к тому же давними, являются только «Вольга и Микула» и «Добрыня и Настасья Микулична».

Вероятность записи былин книжного происхождения в наше время весьма значительна. Жители трактовых поселений на расспросы о былинных богатырях зачастую отвечают: «А про них уже в книжке написано». Поэтому собиратели из онежской группы испытывали скорее сомнение, нежели радость, когда в д. Спиново сестры А. В. и М. В. Кожевниковы спели им две великолепные былины «Три поездки Ильи» (129 стихов) и «Добрыня и Алеша» (143 стиха). Помимо других мотивов, сомнение устраняет большая близость записанных текстов, в особенности первого из них, к кенско-кенозерским вариантам. А то обстоятельство, что никто другой в д. Спиново и округе ничего не знает из этих былин, вполне объяснимо, если учесть, что сестры Кожевниковы уже более тридцати лет живут в Караганде и крайне редко приезжают на родину.

³ В. И. Чичеров, Сказители Онего-Каргопольщины и их былины (в кн. «Онежские былины» под ред. Ю. М. Соколова и В. И. Чичерова, М., 1948, стр. 49).

Относительно местного характера былинной традиции в районе б. Александро-Ошевенского монастыря трудно сказать что-либо определенное, поскольку немногие произведения, записанные там, по словам исполнителей, заимствованы ими от стариков-нищих, приходивших когда-то на ярмарки даже с берегов Белого моря. Сами тексты, за исключением полной былины «Три поездки Ильи», записанной от Е. В. Соколовой, утверждений исполнителей не опровергают.

Отсутствие былин на Каргопольщине и Онеге иногда возмещается исполнением заимствованных из лубочной литературы переделок⁴. Так, например, неоднократно записывалась лубочная обработка былины «Чурила и Катерина»:

У окошечка сидела,
В гости милого ждала,
Не стучала, не бреньчала,
Сын дворянский приезжал.
— Ты пожалуй, милой мой,
В нову горенку со мной,
Снадевай шляпу, сюртук,
Вешай, миленькой, на крюк.
В это время, в этот час
Да муж из Питера сейчас:
— Ище что ж это, Катюша,
Что за кони на дворе?...

Для лубочной обработки характерны реалии первой половины XIX в. и мирная развязка конфликта.

Об отношении исполнителей к былинам и качестве современных внутрижанровых изменений экспедиция получила ряд новых фактов, полностью подтверждающих те основные положения, которые уже были высказаны в печати⁵. Знание былин и их пересказов чаще всего бывает пассивным. Люди, знающие что-то из былин, обычно рассказывают их лишь после уговоров собирателей.

Ранние исторические песни ныне почти забыты. Экспедиции МГУ ежегодно фиксировали незначительное число сюжетов, как правило, представляемых дефектными текстами и отрывками. В 1962 г. удалось записать «Авдотью Рязаночку» (в виде сказки), «Иван Грозный и сын» (один полный текст и два кратких пересказа), «Взятие Казани» (в виде сказки), «Осада Соловецкого монастыря» (полный текст). Первые два сюжета записаны в кенских деревнях, два других — в районе б. Александро-Ошевенского монастыря. Историческую песню «Осада Соловецкого монастыря» собиратели обнаружили в рукописном собрании духовных стихов. Хранительница этого собрания не может исполнять ни этой песни, ни духовных стихов, но убеждена, что песня тоже духовный стих, поскольку в ней говорится о борьбе за старую веру.

Песня, условно названная «Взятие Казани», — развернутое повествование с включением эпических стихов и формул. В нем на фоне ряда событий описываются взаимоотношения между Иваном Грозным и «младым князем» Микитой Романовичем. Взятие Казани — только начальный эпизод текста. Далее рассказывается о том, как жена Гроз-

⁴ В этой статье лубочные обработки при подсчете не учитывались.

⁵ См., напр., Ю. Новиков, Ю. Смирнов, Северные экспедиции кафедры фольклора Московского государственного университета (1956—1959 гг.), «Сов. этнография», 1960, № 4, стр. 162—168.

ного Мария Темрюковна в его отсутствие намеревается сдать Москву Батую Косматому «без бою, без драки, без кровопролития великого». С помощью Микиты Романовича и сказочного «человека о дубинке» Иван Грозный побеждает войско Батуя Косматого. За убийство полюбобившегося «красивого» Батуя Мария Темрюковна вызывает царя на поединок: «она была сильнее». Но вместо царя «на шоломя раскатное» приезжает Микита Романович и «без розъезду» рубит ей голову. Иван Грозный сожалеет о случившемся и в гневе требует поединка с Микитой Романовичем. Тот, не решаясь сражаться с царем, отправляется в монастырь к крестному наставнику, который дает совет: «Не надо царя побеждать, а дай великую натруску». Наставник берет богатырского коня, «костыль-рыбий зуб в полтораста пудов» и едет с Микитой Романовичем к царю. После некоторых перипетий устрешенный Иван Васильевич отказывается от поединка с Микитой Романовичем, с помощью монаха освобождается от «сухоты» по Марии Темрюковне и женится на сестре Микиты Романовича. «И с тех пор пошло Романово колено», — заключила свое повествование Е. В. Соколова, неграмотная 65-летняя женщина из д. Кривцы Ошевенского сельсовета. По ее словам, эту «сказку» рассказывал отец, который, в свою очередь, перенял ее от нищего помора, часто бывавшего в их доме.

Насколько нам известно, подобный текст нигде не публиковался. Отдельными своими мотивами и элементами он несколько перекликается лишь с беломорскими записями А. В. Маркова начала XX в.

Наиболее популярный эпический жанр обследованных мест — баллады. Как правило, их поют, а не рассказывают. По сюжетам они распределяются следующим образом: «Князь Роман жену губил» — 51 текст (29 полных и 22 отрывка)⁶; «Моряночка» — 21 текст (15 полных, 3 отрывка и три пересказа); «Михайло и рябинка» — 16 текстов (12 полных, два отрывка и два пересказа); «Князь Михайло» — 12 текстов (шесть полных, пять отрывков и один пересказ); «Оклеветанная жена» — 9 текстов (семь полных и два отрывка); «Василий и Софья» — 7 текстов (три полных и четыре отрывка); «Молодец и королевична» — 4 текста (три полных и один отрывок); «Насильственное пострижение» — 4 текста (один полный и три отрывка)⁷. Такого количества баллад за одну экспедицию собиратели МГУ раньше не записывали. Однако степень распространения баллад далеко не одинакова. Если онежская группа обнаружила лишь пять текстов двух сюжетов, то каргопольская группа разыскала 34 произведения семи сюжетов, а кенская группа — 85 баллад восьми сюжетов. Из 27 поселений кенского маршрута баллады найдены в 22 пунктах, в то время как былины и их пересказы — только в одиннадцати.

В тесной связи с состоянием эпической традиции в целом и распространением баллад стоит вопрос об отношении исполнителей к ним. На Каргопольщине и р. Онеге баллады чаще называют песнями, на Кене — стихами или старинами в зависимости от того, как называются былины или духовные стихи. В тех случаях, когда былины и духовные стихи уже исчезли и о них едва помнят, кенские певцы называют балладу песней. Исключением служит баллада «Князь Роман жену губил», которая почти повсюду приобрела распев лирической песни. Исполнители, даже знающие по несколько эпических произведений, нередко выделяют эту балладу, называя ее песней.

⁶ В том числе два отрывка в контаминации с лирическими песнями.

⁷ В том числе один отрывок в контаминации со староверческим стихом «Умоляла мать родная».

В местах слабого и пассивного бытования баллад драматизм конфликта «жесточких» романсов для певцов более предпочтителен, чем драматизм балладного конфликта. Моралистическая установка, которую подсказывает балладный конфликт, переосмысливается в плане приближения к морали «жесточких» романсов. Переосмысление реже выражается путем создания импровизационных обработок элементов баллады, чаще оно подается в репликах исполнителей по ходу пения или в комментариях после исполнения.

Помимо произведений, по научной традиции относимых к балладам, собиратели, как и в предыдущие годы, неоднократно записывали песни, которые по своей форме и звучанию сходны с балладами. В 1962 г. не удалось встретить «Казань-город на крови стоит», зато было записано 16 вариантов песни «Шли солдатики из похода славным городом Костромой» (большинство вариантов с Каргопольщины), имеющей тот же сюжет. Сходство сюжетов и более современный характер песни, по-видимому, способствовали тому, что она вытеснила балладу «Казань-город на крови стоит», при этом в песню вошли некоторые балладные мотивы и элементы.

Нередко записывались также песни «Ванька-ключник» (ср. балладу «Князь Волхонский») и «Ехали солдаты со службы домой» (ср. балладу «Князь Михайло»).

Другие песни, близкие к балладам, записывались обычно в одном или в двух вариантах. В качестве образца может быть приведен текст, спетый Е. В. Соколовой:

Что во городе да во Саратове
Выезжал пахать да сын на матери,
Да родну матушку да в корешок запряг,
А молоду жену да во пристяжечку,
Да родну матушку да плетью по боку,
А молоду жену да взял вожжой тряхнул:
— Да родна матушка, не прогневайся,
Да у моей жены да силка легонька,
Да что моя жена размолоденька...⁸

В записях экспедиции — духовные стихи 28 сюжетов; на 12 сюжетов записано от двух до восемнадцати вариантов, остальные — единичные тексты. К последним относятся преимущественно староверческие стихи. Еще в 1930-х гг. начетчики Каргопольщины и в особенности Кены занимались переработкой традиционных стихов и созданием собственных в плане прославления старой веры, отречения от мира, его радостей и труда. Так, А. Н. Жарников из кенской дер. Округа, умерший в 1930-х гг., сочинил или переделал до 250 стихов, в том числе про Бориса и Глеба, Петра и Февронию, боярыню Морозову и др. Теперь о Жарникове и его творчестве почти никто из кенских жителей не знает, только две старухи сумели спеть нам «Петра и Февронию» и еще несколько произведений. А между тем собиратели не заметили, чтобы на староверческой Кене систематически проводилась антирелигиозная работа. Видимо, сама действительность, даже если люди забывают об активной борьбе с отживающим, год от года все более исключает возможность восприятия и бытования духовных стихов.

Записанные 80 поздних исторических песен представлены сюжетами: «Поход в Польшу» — 51 текст (34 полных и 17 отрывков); «Платов в бою» — 16 (2 полных и 14 отрывков); «Смерть Александра I» — 5 (три

⁸ Ср. № 215 из сборника А. М. Астаховой «Былины Севера», т. II, М.—Л., 1951.

полных и два отрывка); «Турецкая война» — 4 (два полных и два отрывка); «Платов в гостях у французов» — 2 (один отрывок и один пересказ); «Граф Паскевич» — 2 полных текста. Все жители называют эти песни солдатскими и говорят о том, что их в деревни приносили мужчины, служившие в царской армии. В староверческих деревнях поздние исторические песни, как правило, известны только в отрывках.

К числу любопытных находок 1962 г., имеющих отношение к бытованию эпической традиции, следует отнести запись сказки «Рак и разбойники» от Н. Д. Ермолиной в д. Сандрово (Усть-Моша). Это 24-й вариант известного предания «Рахта Рагнозерский», записанного собирателями МГУ в 1956—1962 гг. В разработке сюжета новая запись совпадает с собственно рагнозерскими вариантами, а ведь место записи от Рагнозера отделяют сотни километров. По словам Н. Д. Ермолиной, сказку она переняла в детстве от своего деда Д. И. Колотаева. Возможность заимствования из какой-то книги для самой Н. Д. Ермолиной исключена.

Наконец, от уроженки д. Першлахта Е. И. Тишиной в соседнем поселке Октябрьский была записана пространный сказка «Ваня да Маня» на сюжет переведенной поэтом Щербиной сербской песни «Ово и Мара». По своему источнику сказка прямо восходит к переделке этой песни в былинку, отмеченной А. Ф. Гильфердингом на Кенозере. Любопытно, что от Е. И. Тишиной записан полный текст «Василия и Софьи», сюжетная близость которого к сербской песне очевидна.

В целом работа седьмой экспедиции кафедры фольклора филологического факультета МГУ была успешной. Благодаря ей закончено обследование прилегающих к Кенозеру с юго-востока и востока районов, собран интересный материал о прошлом и настоящем эпической традиции этих районов.